

Лакремонт

Марк Карлин

Марк Карлин

Лакремонт

«Автор»

2026

Карлин М.

Лакремонт / М. Карлин — «Автор», 2026

Темное фэнтези приключения с древними эльфами вампирами, интриги романтика, плотоядные единороги, портал из неведомой планеты в сибирский город, не смертные маги и неожиданный финал.

© Карлин М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Начало	5
Глава 1. УТРО СМЕРТИ	7
Глава 2. СЛУЧАЙНОСТЬ	11
Глава 3 — ВСЁ РЕШИТСЯ ЗАВТРА.	19
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Марк Карлин

Лакремонт

Начало

Встает заря у берега моря
и в сером небе облака
дождем питают все живое
и золотом блещут берега.
Трава зеленая шуршала,
и ветер волновал ее
лесов густых стена стояла,
но ныне нет здесь ничего.
А здесь в пыли руины замка
не меркнет, пламенный металл
в тех подземельях очень жарко,
но возрожденья час настал.
Уже давно развеян пепел
и всюду бархатный туман,
но вот его уносит ветер
и снова замок виден нам.
Высоки башни, в небе стяги
и серебряные врата
и на пергаментной бумаге
давно забытые слова.
Коснешься, строк и в прах развеет
их дуновенье ветерка,
мираж исчез, истлели стены
кругом руины, пустота

Страж случайно заметил её, скользнувшую внутрь сторожевой башни. Неспешно он шёл, зная, что ему не застать её врасплох. Заранее обнажил меч, чувствуя её взгляд из темноты, не сулящий добра.

Страж вошёл внутрь башни, внимательно осмотрел всё и увидел синеющие на каменном полу капли крови суккубы. В нос ударил дурманящий запах, отчего он даже пошатнулся. «Должно быть, вампиров так же дурманит кровь людей», — успел подумать он, склоняясь над каплями и протягивая руку.

Страж коснулся пальцами капель, затем поднёс их к носу и глубоко вдохнул аромат. Голова закружилась, он едва не потерял равновесие. Он знал, что они называют себя первождёнными: дети богов, дети ночи, полубоги. Эльфы и гномы называют их тёмными эльфами. Рыцари Утренней Звезды — его братья по вере — называют их инкубами и суккубами и стараются убить везде, где бы ни встретили.

Но кто они на самом деле? Ему не было суждено это узнать: он уже был сражён безжалостной сталью.

Глава 1. УТРО СМЕРТИ

Было раннее утро, тьма уже отступила, хотя солнца ещё не было видно. Щебетали утренние пташки, парящие на прохладном ветру.

Человек, закутанный в серый плащ, из-под которого выглядывали роскошные ножны богато украшенного меча, быстрым шагом шёл в сопровождении двух меченосцев. Он в задумчивости остановился возле распахнутой настежь двери двухэтажного каменного дома. В этом доме жил магистр ордена Утренней Звезды — хороший друг, учитель и сюзерен пришедшего.

Человек в плаще аккуратно заглянул внутрь и прислушался. В доме царили тишина и полумрак, едва преодолеваемый немногочисленными, почти догоревшими свечами в канделябрах, таившими картину произошедшего. Ещё мгновение — и очередная свеча, догорев, погасла, уступив хранящей тайны тьме.

Олмер медленно и почти бесшумно обнажил меч и медленно шагнул внутрь, где сразу почувствовал стоявший в доме запах крови. Меченосцы поспешно зашли следом; один из них чихнул, отчего Олмер вздрогнул и недобро посмотрел на виновника.

Теперь не было смысла таиться. Олмер подошёл к шкафу, открыл ящик и вытащил оттуда несколько свечей, которые вставил в стоящий на тумбочке подсвечник и зажёл от последней угасающей свечи канделябра. Стало заметно светлее, и на фоне белой стены стала видна скорчившаяся фигурка слуги магистра, который лежал в углу, скукожившись, зажимая руками живот. Олмер передал подсвечник меченосцу и подошёл к слуге, склонившись над ним.

— Что здесь произошло? — негромко спросил он. — Отвечай!

Ответом ему была тишина. Он склонился над трупом, коснувшись коленом толстого ковра, на котором лежал слуга магистра. Олмер ощутил, как кровь, пропитавшая ковёр, намочила его колено, и тут же брезгливо вскочил на ноги, досадуя на испорченную одежду.

— Она, возможно, всё ещё здесь, — тихо произнёс он и огляделся по сторонам, сглотив подступивший к горлу комок. — Нужно спуститься в подвал и всё проверить, — добавил он.

Олмер прошёл в помещение, в котором держали пленницу. В углу возле цепей лежал другой слуга и трупик, казавшийся мертворождённым младенцем. У него была бледная кожа, как у тёмных эльфов, но уши — обычные, как у людей...

— Теперь наверх, к магистру, — сказал он и направился к лестнице, ведущей наверх. Не доходя до ступеней, он споткнулся о лежащее у подножия лестницы тело магистра.

Лицо его старого друга и сюзерена было обезображено острыми когтями суккубы, лишившей его зрения.

— Мне нужно больше света, — сказал Олмер, Главный Ловчий Короля.

Сопровождающие начали сдвигать занавески, проливая свет на свершившееся здесь.

— Он убегал от неё, уже лишённый глаз, — сказал главный ловчий и начал подниматься по лестнице вдоль цепочки кровавых пятен.

Олмер дошёл до комнаты и осмотрел там всё.

— Она напала на него, когда он спал, — сказал он. — Она выцарапала ему глаза когтями, он вскочил и побежал к лестнице, упал и сломал себе шею.

Олмер посмотрел на опустевший угол стены и сказал:

— Тут были её доспехи и оружие. Старик ценил эти трофеи. Нам же теперь предстоит выслеживать тёмную эльфу, вооружённую до зубов и когтей.

Меченосцы заметно насторожились, услышав эти слова.

— Её тогда смогли взять в плен только потому, что она была тяжело ранена и без сознания. Но там мы их зажали в кольцо, и уйти было некуда. Теперь же нам предстоит искать ядовитую занозу в собственной подушке.

— Она не может расхаживать по городу в тёмно-эльфийских доспехах, её сразу узнают и поднимут тревогу, — сказал один из меченосцев.

— Она взяла плащ магистра для неофициальных дел. Таких плащей в городе очень много. Нельзя заглянуть под капюшон каждому горожанину, — ответил Главный Ловчий.

Мелькнула тень, и дуновение внезапно возникшего ветерка погасило все свечи. В темноте послышался короткий свист, и один из меченосцев медленно осел на пол с кинжалом в горле, издавая жуткие булькающие звуки и хрипы. Спустя полмгновения свист повторился, и рядом на колени встал другой, зажимая кровотокающую рану.

Олмер медленно повернулся в сторону, откуда прилетели кинжалы, разведя руки в стороны перед собой.

— Скажи мне, ты ищешь свою смерть? — послышался её голос из темноты.

— Нет, — ответил Олмер, обернувшись на звук, но ничего не увидел. — Я искал встречи с тобой. Ты очень дорога мне, я хотел тебя выкупить и освободить... Почему ты меня не убила и говоришь со мной?

— Ты любил меня и обещал освободить, но не сделал этого. Я тебе верила, поэтому не хочу тебя сейчас просто убить. Быть может, я ещё придумаю, как это сделать потом...

— Я люблю тебя! — сказал Олмер, силясь увидеть её в кромешной тьме.

— Ты боишься меня. Потому что в этот раз не я, а ты в моей власти, — злобно ответила эльфийка. — Прими этот дар в память о невзаимной любви и будь благодарен тому, что оставляю тебе жизнь.

Раздался короткий свист, и в ногу Олмера, выше колена, вонзился кинжал суккубы. Олмер стиснул зубы от боли, но промолчал. Он силился её увидеть, но ему удалось лишь услышать, как она вытащила свои кинжалы из тел мёртвых меченосцев и стряхнула кровь.

Она неслышно подошла к нему в полной темноте, так что он лишь ощутил на своей щеке её дыхание. Олмеру показалось, будто бы он на мгновение увидел едва уловимое мерцание её сиреневых глаз.

— Похорони этот кинжал вместе с моим ребёнком, твоим мертворождённым сыном, — вкрадчивым тоном произнесла эльфийка Олмеру почти на ухо.

— Не прощай, — прошипела она из темноты, удаляясь. — Я ещё вернусь за тобой...

Она ушла. Олмер почувствовал это сквозь боль. Он не стал тревожить кинжал в своей ране, оборвал рукав рубахи и сделал перевязку, не вынимая клинок.

Потом он медленно спустился по лестнице и внезапно услышал плач младенца где-то совсем рядом. «Он был мёртв», — пролетела мысль в голове ловчего. Олмер, хромая, вошёл в комнату и склонился над розовощёким младенцем.

Архиностре не везло всегда, и вся её жизнь была мезью. Сначала ей не повезло с детством: она потеряла родителей в пять лет. В то время шла великая война тёмных и светлых эльфов. Десять лет она готовилась к мести и жила только ею. Приютившие её некромансеры не раз рассказывали ей историю гибели родителей. Она ясно видела их смерть, едва закрывала глаза.

— Смотри, какие облака, — она запрокинула голову, кружась и ничего не замечая вокруг.

— Да, красивые, — ответил он.

Он нежно обнял её за талию и поцеловал в шею.

— Мы всегда будем вместе, — сказал он.

— На веки вечные? — спросила она.

— Навсегда, любовь моя, — ответил он.

— Твоя — от кончиков ногтей до ресниц, — сказала она, увлекая его за собой. Потом отпустила его руку и побежала впереди, с улыбкой оглядываясь на него.

Неожиданно поднялся сильный ветер, но его заглушил мощный всплеск воды... Её хрупкая фигурка на мгновение исчезла в вихре безжалостной магии. На ковёр из травы упало безжизненное тело. Она ещё дышала, когда он подхватил её на руки. С уголка её губ стекала струйка крови.

Он осторожно понёс её прочь от заставших их врасплох убийц, не отрывая взгляда от её угасающих глаз. В него стреляли. Одни стрелы отскакивали от тускло мерцающих доспехов, высекая искры, другие находили уязвимое место и пронзали живую плоть. Он шёл, не замечая боли, не отводя взгляда от её глаз. Она была ещё жива... Он был ещё жив...

Утром она просыпалась в слезах, ощущая боль невосполнимой утраты. Она знала лица и имена магов светлых эльфов, виновных во всём. Отдавшись нескончаемым тренировкам, она превратила себя в живое оружие мести.

И наконец настал тот день, когда дочь мести хищно улыбнулась, глядя на изрубленное тело мага сверху вниз. Маг всё ещё дышал, несмотря на жуткие раны, из которых обильно струилась кровь. Она вдоволь наигралась со своей жертвой — словно кошка с мышкой, которой не избежать незавидной участи. Её мечи и доспехи были перепачканы багрянцем, мелкие брызги атели на лице. Она долго выслеживала его. Он не был первым и далеко не последним в её длинном списке. Она мстила, методично выискивая их одного за другим. Ничто не могло оправдать в её глазах убийц родителей.

Маг ещё раз вздрогнул, и его глаза окончательно остекленели. Сегодня ей особенно повезло: удалось подсыпать временно парализующий яд сразу двоим.

Дитя праведного гнева протянуло острые лезвия к шее следующей жертвы.

— Помнишь, как ты убивала их? — спросила жестокая.

— Мне приказали, я не хотела. Я даже имён их не знала.

— Не знала, говоришь? Не хотела? Но убила! — холодно, без капли сожаления процедила сквозь зубы мстительница. Она показала жертве маленькую склянку с живым клещом внутри.

Жертва знала, что укусы этого клеща утоляют любую боль, но превращают укушенного в неутолимо голодного упыря, пожирающего всё, что попадётся. Это безболезненная смерть — даже потом, когда клещевые осы отложат в тело зомби свои личинки, боли не будет.

«Какая же ты глупая», — подумала жертва, наблюдая, как мстительница достаёт клеща.

Но когда она увидела, как из раздавленного пинцетом клеща капля упала в глаз мёртвого мага, её лицо исказила гримаса ужаса. Сначала мёртвый маг не двигался. Потом по его телу прошли конвульсии, он издал булькающие и шипящие звуки и потянулся к жертве искалеченной рукой.

— Счастливо оставаться, — сказала мстительница, закрывая дверь.

— Не-е-ет! — закричала связанная жертва, запертая наедине с голодным упырём.

Архиностра ещё раз улыбнулась, вспоминая утолщённую жажду мести. Но тут же мысли обратились к утраченной любви, и на её глазах вновь выступили слёзы. Она зажмурилась и спрятала лицо в ладонях, пытаясь унять душевную боль.

Арахис смотрел на неё, словно на живое существо. Он отвёл взгляд, подняв глаза к луне.

— Пришло время людей. Время умирать, — сказал он и криво улыбнулся. — Эти смертные настолько наивны, что не выставили стражу у ворот на ночь — наивны, как светлые эльфы.

— Это слишком очевидное приглашение... Я думаю, они ждут нас, — ответила ему Архиностра.

— Дорогая, ты их переоцениваешь, — отозвался Арахис, положив ладонь на эфес меча.

— Слава и смерть! — негромко произнёс тёмный эльф, обнажая меч. Все перворождённые повторили его слова, обнажая клинки.

Строй тёмных эльфов приблизился к городским воротам — так же, как некогда это проделали люди, проникая в этот же город, населённый в то время светлыми эльфами. Ворота оказались не запёрты, а просто притворены.

Едва восседавшие на хищных единорогах тёмные эльфы углубились в город, как ворота за ними затворились — это была ловушка.

— Рубите головы бессмертным, не оставляйте целыми их трупы! — прокричал кто-то во всю мощь голоса. Со всех улиц и переулков к эльфам устремились стены щитов, ошестинившиеся жалами копий, увенчанных языками пламени, словно факелы.

Единороги шарахались от окружающего их кольца пламени, сбрасывая седоков и топчя всех, кто подвернётся. Голубая кровь перворождённых смешалась с алой кровью смертных. Бессмертные никогда не видели такой циничной и беспощадной бойни, лишённой славы сражения и любимых ими дуэлей.

Длинный меч в левой руке Арахиса сокрушал щиты и перерубал копья, расчищая дорогу через тела смертных. Правой рукой он сжимал ладонь Архиностры, которую хотел вывести из хаоса смерти. Она вырывала руку, желая обнажить второй меч, но тщетно. Он вёл её за собой, принимая уколы копий и удары мечей. Он чудом оставался на ногах, рубил и колол неумолимо, сея смерть.

Внезапно в её глазах потемнело от сокрушительного удара по шлему — она не увидела, как погиб её возлюбленный.

— Среди них баба! — крикнул сквозь шум битвы один из рыцарей.

— Вот те на, давно я баб не видел! — отозвался другой.

— Её не рубить! Свяжите и ко мне в обоз — она оживёт, я уверен, — скомандовал третий.

Архиностра открыла глаза, вырвав себя из тумана воспоминаний, и вернулась к реальности. Она горько вздохнула, переживая утраченное прошлое. Девушке стоило немалого труда осознать, что она сидит в таверне напротив бокала с вином, а взгляд её всё ещё затуманен. Ей казалось, будто ладонь по-прежнему ощущает крепкую хватку руки, тянувшей её к спасению.

Она поднесла ладонь к глазам и обнаружила, что сжимает рукоять метательного кинжала. Гномы, сидящие напротив, недобро косились на неё.

Глава 2. СЛУЧАЙНОСТЬ

Я спал. Спал, внимая её тихому голосу. Голосу, который я слышал впервые...

Леарх создал землю и позвал Архиду — создательницу луны, родившую всех существ, населивших сушу и воды.

Вначале была тьма, и в этой тьме, кроме нас, обитало множество хищных существ, лишённых разума. Даром речи обладали только мы — перворождённые, истинные Леархиды; никто, кроме нас, не был разумен. В то время, когда твари пожирали друг друга и боролись за выживание, мы объединились и одерживали первые победы.

Это была первая ночь мира, а мы — перворождённые, дети богов. Мы жили, придерживаясь одного правила: «Не делай другим того, чего не хотел бы для себя». Так мы собрались в единый народ, а прочие существа, желающие лишь утолять голод, пожирая других, стали редким явлением, ибо на зло мы всегда отвечали злом.

Арх с презрением смотрел на хаос, царивший на земле, и на разврат других богов. Он возжелал навести порядок и создал солнце — своим светом, пронзившим тьму. Он низверг Леарха в подземные чертоги и пленил Архиду, сделав её своей наложницей.

Так наступил первый рассвет, и мы встретили наших младших сестёр и братьев — мы назвали их светлыми. Новые дети Архиды были наивны, и мы заботились о них, оберегая от первозданных тварей, всё ещё таящихся во тьме.

Светлые познавали мир, полюбили природу и восхищались ею. В то время миру явились другие существа — милые и беззащитные; они стали заселять мир, поскольку хищников ночи становилось всё меньше, и встретить их было редкой, но роковой неудачей.

Мы научили светлых всему, что знали, и настал день, когда они перестали быть детьми. Они создали свои законы и правила, разделили сумрак на день и ночь, а бытие — на добро и зло. И по всему выходило, что они — добро и свет, а мы из старших братьев-покровителей превратились в тёмных изгоев.

И вслед за рассветом наступил день. И мы были объявлены тёмным злом. Светлые создали чёткие рамки, в которых нам было уготовано место врагов.

Архиде удалось бежать от строгого Арха, лишавшего её свободы. Она спряталась в подземельях Леарха, который с радостью её принял.

Так грянула первая битва перворождённых, которая длилась веками. Она унесла жизни многих и разделила наши народы навсегда. И не было победы, ибо все понесли тяжкие потери, а хищные твари чаще стали являться в ночи, которая теперь сменяла каждый день.

Днём Арх правил миром, следуя своему порядку, а ночью Леарх и Архиды вновь дарили миру свободу. И так стало всегда.

Мир изменился, но некому было вернуть всё как прежде, ибо мы стали слабее и малочисленнее. В то время в подгорных шахтах шла война гоблинов и гномов. Гномы выгнали гоблинов из своего подземного мира, и те свободно расселились на пустых землях.

Спустя годы спокойной жизни гоблины чрезмерно размножились, и полчища зелёных лиходеев прокатились волной набегов по нашим городам и городам светлых, пленив и убив многих жителей, ибо все мы были слабы. И нас стало ещё меньше.

Древние эльфийские города гоблины заселили и создали свою империю, обложили данью светлых эльфов и даже перворождённых, которые отправляли в столицу гоблинов своих магов на службу хану. Наша дань была самой почётной: светлых уводили в унижительное рабство, наших же магов славил за могущество, приближали к власти и никогда не оскорбляли.

Прошли века, и среди гоблинов возник новый народ — орки. Они были менее звероподобны и более разумны, выше и сильнее гоблинов. Это были дети эльфийских невольниц, позволить иметь которых могли только гоблины высших сословий.

У хана было много сыновей, и все они были орками, так как у хана были только эльфийские наложницы, ибо он всегда брезговал женщинами гоблинов. Орки-сыновья унаследовали власть и разделили империю между собой. Правили они по-разному: одни — мудро и долго, другие — глупо и скоротечно.

Перворождённые Леархиды всегда были элитой империи. Они больше не служили гоблинам, а стали союзниками орков, которые ценили их как магов-некромантов ещё больше.

Вскоре в империи гоблинов произошёл раскол, и они ополчились против орков, называя их ублюдками светлоухих. Междоусобица орков и гоблинов длилась много лет и завершилась так же плачевно, как и война перворождённых. Древних городов, построенных ещё до войны перворождённых, почти не осталось — они были разрушены войной орков и гоблинов. Их народы разделились окончательно на два непохожих друг на друга вида.

Орков осталось очень мало, и они примкнули к перворождённым эльфам, где, поменявшись с ними ролями, стали почётной стражей Леархид. Гоблинов оставалось значительно больше, но среди них были лишь те, кто привык к кочевой жизни, — и они были неуловимы, но не так сильны и организованны, как прежде. Они больше не могли угрожать укреплённым городам, но всё ещё совершали набеги на доступные селения.

А потом из-за моря приплыли корабли людей...

\

Ф-фф!! Апчи!!

Я проснулся от того, что кто-то щекочет мне нос.

— Тьфу! — волос чей-то во рту, даже целая прядь. Я, фыркнув, стряхнул её с себя. Лениво открыл один глаз, увидел простой дощатый потолок, пахло сеном.

Я открыл второй глаз, силясь вспомнить, чего ради меня сюда занесло. Память ещё не проснулась: всё, на что падал взор, было мне незнакомо.

Нашупал под левой рукой что-то тёплое и мягкое — и отёрнул руку, почувствовав, как по ней шлёпнули. В нос опять полезли чужие волосы.

Я взял локон и поднёс к глазам.

— Ммм... Какие золотистые, длинные и шелковистые, — пробормотал я.

Я начал мерить длину локона пальцами, постепенно приближаясь к источнику. Повернулся на бок и увидел юную полуобнажённую девушку, блаженно потягивающуюся после сна на чёрном бархате.

«Какая миленькая... Не зря я тут, значит», — подумал я.

— Я нравлюсь тебе с утра? — спросила она.

Я посмотрел в её широко распахнутые выразительные голубые глаза, на аккуратный прямой носик, пухлые губки — и ниже.

— Весьма, — улыбнувшись, ответил я.

— Помнишь, как меня зовут? — спросила она с хитрой улыбкой.

Я задумался. Потом сел, взялся за голову и спросил:

— А меня как зовут?

— Лакремонт, — бросила она.

— Э-э... — мучительно произнёс я. — А где мы? — Я окинул взглядом окружающее пространство.

— Сам же вчера говорил: «Приходи, мол, на сеновал, не пожалеешь». Я пришла...

— А где я был?

— Эль пил! — возмущённо выкрикнула она и резко отвернулась, поглядывая на меня краем глаза.

Я встал — оказалось, что я лежал на её разорванном платье, — и начал ходить по сеновалу, собирая свою одежду и одеваясь.

Натянул высокие кованые сапоги со шпорами, лёгкую кольчугу мелкого плетения поверх рубашки (носящей следы женских ногтей на спине), камзол, широкий ремень и португую с изящно изогнутым волнистым мечом. Поднял валявшийся под одеждой полупустой мешочек с золотом и заметил, что кружевной манжет моей рубашки пропитан голубой кровью.

— Я, правда, ничего не помню, — сокрушённо произнёс я и опять взялся за голову. — Почему именно здесь? Я раньше не пил так много...

Я начал ходить из конца в конец амбара, расшвыривая сено ногами, силясь вспомнить хоть что-то.

— Вчера ты вёл себя как грязное похотливое животное, — сказала она, наблюдая за моими метаниями. — Но я не пожалела, — добавила она, натягивая чулки.

«Тебя не пожалела», — очень тихо уточнила она так, что Лакремонт не услышал.

— Поможешь даме затянуть корсет? — послышался её прелестный голосок.

Я повернулся к ней, неловко затянул шнурки корсета, про себя отметив идеальную фигуру. Отошёл на два шага назад, невольно любуясь ей.

Она грациозно выгнулась и подняла чёрный бархат, который оказался балахоном с капюшоном — способным полностью скрыть и лицо, и фигуру обладателя.

Я молча уставился на неё, понимая, что простые женщины такого не носят...

Проследив мой взгляд, она криво ухмыльнулась. Казалось, тень прошла по её лицу: зрачки её больших выразительных глаз медленно сузились в вертикальные. Цвет глаз изменился на зелёный и начал люминесцировать.

— Вспомнил?! — Она разразилась диким хохотом.

Я отшатнулся от её неожиданного перевоплощения.

— Так это ты специально сделала? — Во мне проснулось негодование.

Она икнула, спросив:

— Что сделала?

— Ну... То, что я ничего не помню, — уточнил я.

— У тебя было слишком много лишних мыслей, ты так торопился, а я хотела, чтобы ты думал только обо мне, — она хитро улыбнулась. — Всё остальное ты случайно забыл... Мало ли какие заклинания я на тебя наложила в порыве страсти...

Я судорожно сглотнул, ощупал себя: вроде всё на месте, всё как надо.

— Что ты ещё сделала? — спросил я спокойным голосом.

Она посмотрела на меня неожиданно серьёзным взглядом. В её глазах был испуг и укор. Зрачки снова стали большими и круглыми, цвет глаз изменился на синий, люминесценция потускнела, даже кожа стала темнее, обретя серо-голубой оттенок.

— Я принесла себя в жертву любви, а ты этого не оценил! Как ты мог?! — В уголках её глаз блеснули слезинки.

— Ты о чём? — поинтересовался я.

— Ты ведь знаешь, какой ценой магичке обходится потеря невинности?! Ты обязан был это знать! Я была лучшей ученицей выпуска, и что теперь... Конец так и не начавшейся карьере! — Она зарыдала.

«Ловко она тему перевела», — подумал про себя Лакремонт. А вслух сказал:

— Не плачь, глупенькая, всё будет хорошо, — и обнял её.

— Кто обидел бедную кису? — спросил я самым сочувственным тоном, вытирая слезинку на её миловидном личике.

— Он! — Она показала пальцем на меня и улыбнулась сквозь слёзы.

Я посмотрел на её разорванное платье.

— Я сейчас вернусь — до платяной лавки и обратно.

-И не возвращайся, - всхлипнула она, игриво улыбнувшись.

Я оглядел себя, стряхнул липнущую к одежде солому и открыл двери амбара.

За дверью были стойла для коней, пустые кроме одного в котором был мой конь, я его сразу узнал. На ограждение стойла был прислонен мой гербовой щит и копье. Конь смотрел на меня испуганными глазами вжимаясь в стену конюшни подальше от тянувшейся к нему кобылицы единорога, которая шумно фыркала на мгновения обнажая острые хищные зубы. Кобылица уставилась на меня вертикальным красным зрачком на черном глазном яблоке, заржала и мотнула головой в сторону моего коня.

Этот жест можно было трактовать как, - выпусти этого жеребца, даме одной скучно.

Я почувствовал, как сзади ко мне прижалась Лореена, обнимая меня и целуя в шею. Единороги не едят лошадей, они охотятся на волков, - прошептала она, легонько укусив меня за ухо.

«Никогда не видел у лошадей таких зубов», - сказал Лакремонт поворачиваясь к девушке.

Лореена широко улыбнулась, демонстрируя свои клыки, которые только подчеркивали ее красоту, гармонично вписываясь в ее экзотический облик.

На гербе моего рода изображен единорог, сражающийся с тремя волколаками, продолжила она. Он стоит на дыбах под его копытами один волк. Второго он подбросил рогом в верх, а глотку третьего он сжимает своими зубами. «Я покажу тебе потом», - сказала девушка еще раз улыбнувшись.

Платяная лавка... - начал я.

-на право за углом, - продолжила она.

«Я буду ждать тебя здесь», - сказала Лореена отпуская мою руку.

Я развернулся и вышел на улицу пройдя мимо единорога.

Солнечный свет неожиданно больно ударил по глазам, я прищурился и прикрыл глаза ладонью.

Привыкнув к дневному свету, я увидел плотно подогнанную брусчатку дороги и стоящий напротив двери, из которой я вышел двухэтажный каменный дом.

Я посмотрел на лево и увидел, как дорога упирается в закрытые ворота крепостной стены. У ворот стояли стражи с алебардами.

Я повернулся на право и узрел великолепие огромной статуи, возвышающейся над городом. Это была воительница верхом на единороге с боевой косой на резном древке. На ее лице застыло выражение презрительной усмешки адресованной невидимым врагам.

Ее единорог застыл на скаку неся свою всадницу в бой.

Статуя была выкрашена в естественные цвета. Складывалось впечатление что гигантская темная эльфийка сейчас сорвется с места на своем скакуне.

Я шел в сторону лавки по ходу приближаясь к статуе удивляясь красоте искусно выполненного шедевра. По пути мне встречались люди, орки, гномы и темные эльфы, некоторые кланялись, другие проходили, не обращая на меня внимание, а иные смотрели откровенно недружелюбно.

Я был левшой, и меч носил слева, рука всегда лежала на рукояти. Вот и лавка. Я подошел в вывеске, дернул ручку и открыл дверь.

Внутри было не людно. Гном лавочник, устало восседавший на своем трёхногом табурете, рядом с висевшими на стене одеждами, да некий согбенный тип в капюшоне пускавший слюну глядя на аппетитные формы двух посетительниц, темных эльфиек в декоративных доспехах служащих более для привлечения мужских взглядов чем для боя.

Я молча оглядывал одежды, думая, как бы не ошибиться с размером ее груди.

Это произошло раньше, чем я успел, о чем-либо подумать. Моя рука четким отработанным движением вынимает меч, при этом я делаю пол оборота вправо, меч острием вниз описывает полукруг, вторая рука вытирает лезвие алым шелком и клинок снова в ножнах. Как

будто бы ничего не произошло. Никто даже не повернулся в мою сторону только отсеченная рука, сжимающая мой кошелек, шмякнулась под ноги незадачливому воришке. Произошедшее стало неожиданностью даже для меня.

Несчастный орк закусил до крови губу, упал на колени, зажимая страшную рану, сочащуюся зеленой кровью.

Я молча поднял свой кошелек, брезгливо стряхнул с него обрубок, сердце кольнуло невольное сочувствие бедняге.

Я уже собрался было развернуться и уйти, но с удивлением увидел перегородившую мне выход Лореену в чёрном балахоне.

— Что ты наделал, убийца?! Как так можно? Он же живой!!! — она была в диком гневе.

— Бедненький, — произнесла она, подняв с пола руку вора.

Потом мелькнул и погас свет — у меня в глазах поплыли круги. Когда зрение вернулось, я увидел, что вор спокойно спит на дощатом полу, а его рука цела!

Лавочник и дамочки в углу оказались там же, где были на момент моего появления, — как будто мгновения назад ничего не отвлекло их внимания от увлечённого обсуждения предстоящей покупки.

Я подхватил свою спутницу за руку и тут же увёл из лавки.

Оказавшись на улице, Лореена перехватила инициативу: теперь она торопливо вела меня куда-то в неизвестном мне направлении, периодически дёргая меня за руку.

Неожиданно из-за угла появились трое стражников: тёмный эльф и два высоких плечистых орка. Они направлялись прямо к нам, будто бы заранее зная, что встретят нас именно здесь.

Эльф с пепельными волосами и благородными чертами лица был старшим. При нём была длинная шпага с хитроплетёной гардой, а изящного кроя чешуйчатый доспех защищал его худощавое, но жилистое тело. Орки были в латном полудоспехе, удобном для пешего боя; в мускулистых руках они держали мощные алебарды.

— Стойте, господин Лакремонт! — окликнул меня офицер.

— Просим вас извинить: у нас приказ ректора академии сопроводить вас и леди Лореену, — сказал старший, немного склонив голову и глядя на нас снизу вверх, из-за чего выглядел несколько виноватым.

Лореена сжала обеими ладонками мою левую руку, привычно лежащую на эфесе меча.

«Не трогай их», — услышал я её голос в своей голове.

— Я очень сожалею, но вам необходимо следовать за мной, — с этими словами он развернулся, сделал приглашающий жест и уверенно пошёл впереди.

Нам ничего не оставалось, кроме как переглянуться, пожать плечами и идти за ним. Орки-стражники шли сзади нас неуверенной походкой, косясь на мою руку, вновь сжимающую рукоять меча.

Лореена шла слева под руку; лицо у неё было бледное и встревоженное. Ножны длинного меча безжалостно мяли подол её нового платья.

Спустя некоторое время, миновав несколько улиц и переулков, мы достигли замка, в котором располагалась академия некромансеров.

Мы миновали подъёмный мост замка и открытые ворота, прошли по широкому коридору, поднялись по высокой лестнице и оказались у дверей ректора.

Мимо нас прошла группа студентов и студенток, одетых в чёрные балахоны с натянутыми на глаза капюшонами.

«Интересно, как среди такой серой бесформенной массы я нашёл такую лапочку», — подумал я, покосившись на изящную Лореену.

Я не знал, что в академии соотношение три четверти студенток к одной четверти студентов, а среди тёмных эльфиек некрасивых не бывает.

Мы шли по длинному широкому коридору, завершающемуся высокой двустворчатой дверью из-за которой доносилась музыка и слова печальной песни.

\
Чудесный сад, поляна цветёт,
В том саду — благородная пара.
Он ей вечную клятву даёт —
Судьбоносного рока начало.

«Нас не разведёт судьба вовек,
И смерть на нас дана одна.
Любви залог — стальной клинок,
И белый шёлковый платок».

Птица счастья над ними летала,
Только смерть и любовь — неразлучная пара.

Звон сердец их летит в унисон,
В ножнах меч его — время ещё не настало.
Это всё словно сказочный сон,
И весеннее солнце им ясно сияло.

Данной клятвы таился губительный рок,
Он их души коварно стерег.
Ничто беды не предвещало тогда,
Только смерть и любовь — неразлучная пара.

Судьбы неведомы пути всегда,
На клятвы смертных смотрят мало.
Им испытание пройти судьба жестоко приказала.
Но в руке его меч невесом,
А в груди его тяжкая рана.

Он прощеньем навеки сражён,
Только смерть и любовь — неразлучная пара.

Он сражался, как мог, и врагов его было немало,
Кончен бой, но и жизни её кончен срок.
С её губ капля крови стекала,
И белейший платок в алой крови промок —
Как залог за любовь до конца, от начала.

Звонко пел его верный клинок,
Только смерть и любовь — неразлучная пара.

\
Лореена, знакомая с этой композицией, побледнела ещё сильнее.

Тёмный эльф, сопровождавший нас, подошёл к двери. Один из стоящих у двери стражей, видимо осведомлённый о миссии подошедшего, молча приоткрыл для него одну створку. Эльф шагнул внутрь и, видимо получив знак, тут же вернулся обратно.

— Вас ждут, заходите, — сказал он.

Стражники широко распахнули перед нами створки дверей, и мы вошли внутрь без сопровождения. Двери за нами захлопнулись, словно крышка ловушки.

Это был огромный величественный чертог с уходящим в невероятную высь потолком и мощными резными колоннами. Мы приближались к ступеням, ведущим к роскошному трону, с которого встала высокая худошавая женщина в длинном до щиколоток чёрном платье и высоком корсете, державшая на руках белую шиншиллу. Она бережно положила пушистого зверька на подушку, которую держал тёмный эльф. Тот, сделав учтивый кивок головой, развернулся и понёс шиншиллу из зала.

Пока мы приближались, женщина неторопливо спускалась к нам навстречу. Теперь можно было разглядеть изящные узоры из тонкой золотой нити на её корсете. Сочетание длинных пепельных прямых волос, ниспадающих почти до колен со смертельно белым лицом, имеющим малозаметный оттенок голубого, производило неизгладимое впечатление.

Её бесцветные глаза на фоне густых чёрных теней казались неживыми. Было сложно понять куда она смотрит. Острые эльфийские уши подчёркивали благородный облик древней перворождённой. Сине-бордовые губы, казалось, только что выпили бокал свежей крови. Шею скрывал широкий чокер и высокий воротник расходящийся в стороны словно веер. Голову венчала золотая диадема, украшенная сверкающими камнями.

— Эх, Лакремонт, Лакремонт... — произнесла она с неприкрытым сожалением.

По её лицу прошла тень, и печальная улыбка угасла, едва зародившись.

— Недалеко же ты успел уехать...

Я молчал. Эта женщина казалась мне знакомой — что-то в ней определённо было, но я никак не мог вспомнить её имени.

Перворождённая осуждающе посмотрела на Лореену, стоя к ней вполоборота:

— Как же ты могла? Лучшая ученица выпуска! — укоряющим тоном продолжила она, не сводя взгляда с Лореены. — Вы подаёте дурной пример всей академии, — продолжила леди-ректор. — Вы ведь понимаете, что я не могу оставить это так, как бы я этого ни хотела?

— Лореена, ты всегда была моей любимицей. Я воспитывала тебя как родную дочь. Всё, что тебе нужно было сделать, — это дождаться окончания выпуска, а потом уже — хоть в табун к жеребцам, но только вне стен этой великой академии.

— Так или иначе, вы должны быть за это публично наказаны — в пример всем! — Её голос стал громче и строже. — Я бы лично выпорола вас обоих, — она положила ладонь на подбородок, закатила глаза, и её лицо исказилось в мечтательной садистической ухмылке.

— Вас, Лакремонт, ждёт Поединок Всевышнего Суда, а тебя, жертва разврата... — она посмотрела на Лореену, — ждёт Лабиринт Отчисленных.

Я сделал шаг вперёд:

— Позвольте мне пройти оба испытания одному. Она не виновата — я опоил её крепким вином, не было на то её воли. Можете меня казнить, если хотите.

— Ох, Лакремонт... — она покачала головой. — Ты всегда был мастером благородных жестов. Но не надо лгать ни мне, ни себе. Лореена не нуждается в вине, чтобы очаровать мужчину. И ты это прекрасно знаешь на собственном печальном опыте.

— Красиво она тебе мозг промыла... — задумчиво произнесла леди-ректор.

— Это она против твоей воли? — добавила она после паузы. — От тебя так разит её приворотной магией, что мне самой удивительно: ты всё ещё человек, а не стал её безмозглой любовной куклой.

— Память тебе вышибло надолго. Даже не знаю, говорить тебе, кто ты и зачем сюда прилетел, или не забивать тебе перед поединком голову лишним.

— Теперь она отчислена, а выход отсюда для отчисленных только один — через Лабиринт. Поединок Всевышнего Суда будет утром, а испытание — сразу после поединка. Можете пойти в Лабиринт вместе — это будет вашим свадебным путешествием, если выживете... — С этими словами она резко отвернулась, давая понять, что разговор окончен.

Мы развернулись к выходу и медленно пошли прочь.

Я поднял взгляд и увидел, что над высокой двустворчатой дверью находится огромный балкон. На нём сидели ряды эльфов с музыкальными инструментами, молча провожавших нас взглядами. Один из них поднял смычок и начал тихо наигрывать какую-то печальную мелодию — она стала фоном нашего ухода.

Ангельское личико Лореены казалось таким же мертвенно-белым, как и сама леди-ректор. Зрачки бедняжки расширились и застыли, исполненные ужаса предстоящего испытания. На глазах у неё волосы начали приобретать пепельный цвет — от корней до кончиков.

Лабиринт Отчисленных был подземным, наполненным мертвецами и другими побочными тварями, созданными в ходе учебного процесса. Куда именно выходил лабиринт, никто не знал: пройти его и остаться в живых сумел лишь сам великий маг — почивший ныне глава Ордена Леархид.

Снаружи нас ждали стражи, которые проводили каждого в свою комнату. Теперь каждому из нас предстояло провести бессонную ночь под домашним арестом.

Глава 3 — ВСЁ РЕШИТСЯ ЗАВТРА.

Я стоял на пороге своей комнаты, осматривая казавшуюся мне знакомой обстановку. А ведь я тут провёл не один день. Чувствую, что всё стоит на своих привычных местах. Мой взгляд остановился на полном доспехе, стоявшем в углу, и тут на меня нахлынули воспоминания.

...Тишина опустевших улочек приграничной деревушки нарушается лишь порывами ветра, который заставляет свистеть древки стрел, вонзённых в тела убиенных крестьян. Распахнутые настежь двери и окна начинают жалобно скрипеть, оплакивая погибших хозяев.

Я захожу в один из домов, за мной следуют несколько рыцарей и маг.

— Мы опять опоздали, — слышу я свой голос, — опять опоздали...

Такой маленький домик впитал в себя столько боли и ужаса, слёз и отчаяния, тающей надежды на то, что мы придём их спасти...

Тело растерзанной женщины лежало подле детской колыбельки: у ребёнка были выгрызены внутренности, откушены пальцы и высосаны глаза.

Увидевшие это рыцари начали медленно пятиться назад; только маг стоял молча подле меня.

Было больно: чувство вины переполняло тело, где-то внутри тлел уголёк ярости, неудержимой жажды мести.

Я перевернул тело женщины, сжимавшей в правой обглоданной руке кухонный нож. Было видно, что она была ещё жива, когда из неё вырывали куски мяса, пожирали живьём. Она была молода, очень молода. Слишком молода, чтобы быть матерью мёртвого ребёнка.

— Они не могли далеко уйти, — отстранённо произнёс я.

Тут раздался оглушительный женский визг, и мы, не раздумывая, бросились на звук. Стоявшие на улице рыцари пришпорили коней в направлении бревенчатого двухэтажного дома, из которого, не умолкая, выла терзаемая жертва. Никто не обратил внимания на заколоченные окна...

Лошади, ждавшие нас, начали дико ржать и рвать поводья, выломали жердь, к которой были привязаны, и умчались прочь. Я и сопровождающие меня трое рыцарей и маг были вынуждены идти к дому пешком. Мы не торопились, зная, что основные силы рыцарей уже внутри. Они профессионалы, они знают своё дело, они спасут жертву и покарают убийцу.

Мы были уже рядом, когда крик стих. У дверей появилось несколько фигур, которые закрыли её и подпёрли заранее приготовленными бревнами. Обильно политый маслом дом вспыхнул мгновенно.

Наш маг начал творить заклинание, но красно-оперённая ржавая стрела пронзила его голову навывлет, заставив смолкнуть навечно.

Мы обнажили клинки и ринулись в бой с криком:
— ЗА КОРОЛЯ!

Воспоминания не отпускали. Я стоял посреди комнаты, держась за голову и не замечая скупую слезу, стекавшую по слегка небритой щеке.

В голове всплыли имена тех, кого мы тогда потеряли в огне, их лица и перекошенные оскалы гоблинов, которых мы рубили.

Я достал свой меч и поцеловал изящно извивающееся фламбергское лезвие.

Это был меч редкой работы — сплав хрупкого, но невероятно твёрдого и ковкого, но упругого металла. Это был метеоритно-кристаллический меч эльфийской работы. Меч с шелестом вошёл в ножны. Мой конёк — клинковый бой, но на Поединке Всевышнего Суда он бесполезен, ибо поединок проходит на копьях...

Дверь без стука отворилась. На пороге стояла леди-ректор в изящном вечернем платье, стянутом высоким тугим корсетом. В памяти неожиданно всплыло её имя и воспоминание о том, что я должен был провести с ней какие-то важные переговоры.

— Приветствую Вас, леди Афрамегона, — склонив голову, произнёс я.

— Привет, зятьёк. Мы ведь давно уже перешли на «ты», — с удивлением ответила она.

— Просто никак не могу подавить в себе излишнюю вежливость, — ответил я.

— Тяготят воспоминания? — спросила она.

— Да, как-то уж очень ярко, — ответил я.

— Это воспоминания настоящего Лакремонта. Он погиб в том бою...

— Вы хотите сказать, что я не Лакремонт?

— Сейчас ты Лакремонт, ты обладаешь его реальной памятью, но потом ты всё вспомнишь. Это идеальная легенда для тебя. Ведь ты должен быть неотличим от коренных леархийцев: выглядеть, как они, и думать, как один из них. Иначе тебе не выполнить свою миссию. Не то чтобы я заботилась обо всех, но то, что ты должен сделать, спасёт мой народ среди прочих. У тебя есть все шансы, ведь ты удивительно похож на него. Я знала его живым, хоть и видела всего один раз, когда была ещё молодой девушкой, а смертные и вовсе не помнят легенд о нём.

— Это было так давно? — спросил я.

— Можно, я не буду отвечать на твой вопрос? — лукаво улыбувшись, произнесла она, явно что-то вспоминая.

— Я не хочу этого, но законы академии выше меня, — сокрушённо продолжила она, прежде чем я успел открыть рот.

«Я знаю, никто бы не устоял против её магии! Впрочем, и без магии ни один мужчина не устоял бы», — подумал я.

Она обняла меня за плечи, прижавшись холодными полными губами к моей шее. Мои руки парализовала неведомая сила, глаза подернулись дымкой. Кончик её клыка оцарапал мою шею, и она слизнула языком выступившую каплю крови, зажмурилась, смакуя.

— Мне почему-то кажется, что она не единственная, кто накладывал на меня чары, — с трудом произнёс я заплетающимся языком, не в силах пошевелиться.

— Нет! — она вздрогнула от моих слов, широко распахнув глаза, и отпрянула от меня.

— Тебе не зря так кажется, но поверь мне, зла я тебе не причинила. Придёт время, когда ты всё поймёшь и будешь рад моему дару.

— Какому дару?

— Ещё не время говорить об этом. Ты всё поймёшь, когда станешь одним из нас. Но для этого тебе нужно время. Ты просто не помнишь, что дал мне на это согласие.

В её прозрачных бледно-голубых глазах с вертикальными зрачками стояли слёзы.

— Беги, ты не переживёшь поединка. Тебя ничто не обязывает. Просто беги и выполни то, ради чего ты здесь. Память к тебе вернётся позже.

— Я дал обет! — непреклонно произнёс я. — Я не могу бросить её на растерзание тварей из лабиринта.

«Бояться следует Лореену, а не тварей лабиринта», — подумала Афрамегона, но вслух произнесла:

— Беги, утром будет поздно.

— Я исполню свой обет или умру, — закончил я, глядя ей прямо в глаза.

— Итак, она сделала свой выбор, а ты — свой. Ты произнёс слова истинного Леархийца... Иного я и не ждала. Прощай...

Внезапно свет для меня погас. Меня подхватили неведомые волны, закружили и понесли куда-то вверх. Далеко-далеко слышался шум водопада.

Потом я открыл глаза. Было утро, я полулежал в кресле своей комнаты. Как я в нём оказался и что этому предшествовало, навсегда осталось для меня загадкой.

Откуда-то из глубины сознания всплыли чужие воспоминания:

— Смотрите, парнишки, это королева тёмных эльфов, — сказал рослый мускулистый орк гоблинам, закованным в кандалы.

На некотором удалении от них стояла высокая черноволосая эльфийка в декоративных доспехах. Они не знали, что предназначение этого снаряжения служит всего двум целям: защитить лучницу от сорвавшейся тетивы и выразительно подчеркнуть её красоту, отчего доспехи казались декоративным украшением.

Она стояла, лукаво улыбаясь. Увидев, что гоблины смотрят на неё, она послала им воздушный поцелуй и кокетливо помахала одними пальчиками.

— Нравится? — спросил он их.

Те дружно закивали, пуская слюну. Орк добродушно ухмыльнулся, обнажая клыки, незаметно подмигнул второму орку — стражу, стоявшему неподалёку с алебардой в руках.

— Так вот, парнишки, вам всем сказочно повезло. «Тот, кто добежит до неё первым, получит не только свободу, но и саму королеву», — сказав это, орк ещё шире улыбнулся. — А из последнего мы потом сделаем плов.

— Только бежать следует всем вместе и по команде, — добавил он, доставая ключи.

Спустя несколько мгновений шестеро грязных гоблинов были освобождены от сковывающих их цепей. Они азартно сорвались с места и рванули к ней — каждый предвкушал плоды своей победы. Они толкались, ставили друг другу подножки и вскоре растянулись в цепь. Бежавший последним выл от досады, но не терял надежды.

Она дала им добежать до середины. В её бесцветных глазах вновь затлели огненные угли. Королева молниеносно извлекла стрелу с широким треугольным наконечником и наложила её на тетиву лука, который до того прятала за спиной, а четырьмя пальцами натянула во всю длину.

Улыбка лидера бегущих так и осталась на отлетевшей с плеч голове — её срезало широким наконечником летящей с чудовищной скоростью стрелы.

Бегущие следом не сразу поняли, что произошло, и бежали всё так же. Когда новая стрела пронзила следующего, её наконечник, разделив сердце на две части, выглянул из-под лопатки.

Королева натянула новую стрелу наполовину и метко отправила в живот третьему. Тот согнулся пополам и завыл от поразившей его боли.

Оставшиеся трое метнулись в разные стороны: один — назад, второй — направо, третий — налево, обходя её сбоку. Она развернулась, достала узкую бронебойную стрелу и метко попала ей в колено тому, кто пытался обойти её справа. Гоблин несколько раз перевернулся и завопил, завертелся на месте, держась за раненую ногу.

Эльфийка улыбнулась ему и развернулась назад, где уже слишком близко к ней оказался другой. Он был в прыжке — в его глазах было торжество: казалось, он успел. Он тянул к ней свои заскорузлые руки с жёлтыми корявыми ногтями.

Внезапно его полёт остановился, и гоблин загорелся, зависнув прямо в воздухе.

Королева сжала пальцы вытянутой вперёд руки в кулак, согнула в локте и стряхнула — на землю осыпался пепел, оставшийся от погибшего быстрой смертью везунчика.

Последний дикий гоблин почти добежал обратно — туда, где его поймают орки и закуют обратно в кандалы, — подумала она, разворачиваясь к тому, у которого из ноги торчала стрела. Он уже обломил древко с фиолетовым оперением и начал отползать от медленно приближающейся эльфийки.

Она шла грациозной походкой, покачивая бёдрами, неумолимо догоняя покалеченного беднягу.

— Помилуй, госпожа, не убивай! Я ведь не тролль, я ни в чём не виноват!

— Не тролль? — переспросила она удивлённо. — Откуда ты знаешь? — зло прошипела она, вынимая из ножен шпагу.

— Все знают, что тролль сделал с тобой, — ответил гоблин, втягивая голову в плечи.

Утром посланный за мной страж застал меня облачённым в полные доспехи, с мечом на поясе и щитом за спиной. Я опирался на копьё.

— Ваш конь подготовлен к Поединку Всевышнего Суда, следуйте за мной, господин, — сказал мне тёмный эльф.

Суть такого поединка заключалась в том, что победа давалась тому, кто оправдан волей богов, а смерть — тому, кто осуждён богами. Грубо говоря, осуждённому давался шанс оправдать себя, победив в этом бою.

При дворе короля в таких поединках участвовали рыцари осуждённой и осуждающей стороны, но в академии было иное обыкновение. Некромансеры выставляли со своей стороны погибшего в незапамятные времена чемпиона копейных турниров, поднятого ещё самим, ныне неназываемым, главой из могилы. Победить его никому не удавалось, так как он был сыном тролля.

Откуда-то из подсознания вновь возникло видение чужого прошлого.

Полная луна ярко освещала побережье чистой реки, чьи воды были столь прозрачны, что без труда можно было увидеть её обитателей.

Из-под воды вынырнула высокая, длинноногая, изящная тёмная эльфийка с распущенными фиолетовыми волосами до колен. Её глаза светились бирюзовым цветом. Она села на гладкий прибрежный камень и начала расчёсывать и укладывать свои волосы, любуясь своим отражением. Журчание речной воды скрыло звуки шагов приближающейся опасности.

Подкравшийся сзади тролль бесцеремонно ухватил её за волосы. В испуге она метнулась было в воду, но волосы не пустили её. Тролль захохотал, видя её неудачу, и подхватил

несчастную огромной лапищей. Девушка выворачивалась изо всех сил, обломала об толстую шкуру тролля свои длинные, изысканно украшенные ногти. Даже острые клыки не помогли ей освободиться. Тролль неумолимо уносил её прочь от реки — в свою холодную пещеру. Она кричала, взывая о помощи, но напрасно: она слишком далеко ушла от родового замка.

Утром следопыты Леархид нашли пещеру тролля. Тот с громогласным ревом вышел навстречу окружившим пещеру копыеносцам и лучникам. Он устремился в атаку и с разгона упёрся в копья стражей. Эльфы стреляли из луков, но казалось троллю это не доставляло большого вреда. Пытаясь дотянуться до обидчиков, тролль всё сильнее нанизывал себя на острые копья. Он грозно ревел, упорно ломая дровки, но слабел — и в него вонзались новые стрелы и копья.

Когда монстр был повержен, пришедшие за своей королевой стражи увидели её и были поражены: её волосы почернели, а глаза потеряли свой цвет. Ей помогли встать. Она выхватила чей-то кинжал и с яростью стала обрезать свои волосы дрожащими руками.

/

Что это было? — мысленно задал я себе вопрос, едва образы чужих воспоминаний погасли на фоне реальности. Я обнаружил что стою посреди комнаты напротив старой картины изображающей рыцаря в полном доспехе и золотой короне, опиравшегося на меч в правой руке. На его коленях в фривольной позе сидела темная эльфийка в легкомысленном платье с бокалом вина и смеялась, обнажив длинные клыки.

Но тут пошла вторая волна.

/

Королева Леахид не показывалась из своих покоев уже четыре дня: ей было очень плохо. Её постоянно рвало, трясло и сводило судорогами; она ничего не ела и никого не хотела видеть.

Один из верных фаворитов принёс королеве череп мучившего её тролля, чем вызвал её первую с момента постигшей её неудачи улыбку — хоть это и не вернуло цвета её поблёкших глаз. Она попросила поставить его на столик у кровати со стороны ног — так, чтобы она могла, лёжа, видеть отполированный белый череп дикого тролля.

Тролли — существа одинокие. Они годами бродят по округе, игнорируя друг друга, и лишь временами, подчиняясь инстинктам брачного периода, начинают искать подходящую особь.

Тролли — всеядные существа. Они могут питаться корешками, плодами, грибами, орехами, ягодами и травами. Не брезгают падалью, ловко ловят рыбу. Охотятся редко: если им удалось добыть свежатину, они всё равно дадут ей немного протухнуть перед тем, как съесть.

Поймавший королеву тролль был молодым и глупым. Он ещё не достиг тех ужасающих размеров, которые присущи его старшим собратьям, — тролль-подросток, подчиняясь зову природы, случайно набрёл на молодую тёмную эльфийку, способную паразитировать своей красотой любого.

И хотя теперь королева пошла на поправку, для неё уже было ясно, что на этом её страдания ещё не кончились. Она боялась в этом кому-либо признаться; её успокаивало лишь то, что у неё ещё есть время что-то придумать до того, как её тайна станет очевидна. Ей нужно будет снова уйти, скрыться от всех, чтобы никто не узнал о её позоре.

/

Наследственные черты тёмных эльфов передаются по женской линии. Вследствие этого связь тёмной эльфийки и тролля не порождает жуткого монстра, а просто очень большого тёмного эльфа невероятной силы.

Ни один конь не в силах служить этому великану. Специально для него был создан полуконь-полу рептилия — жуткий плотоядный гибрид, послушный своему седоку.

Меня проводили в конюшни, где стоял мой верный конь — жеребец редкого белого окраса. Мой конь был свеж и резв. Я оседлал его без помощи слуг, и мне подали копьё. Я поехал через широкую улицу к месту Поединка Всевышнего Суда в процессии сопровождающих меня слуг и оруженосцев, предписанных согласно важности текущего ритуала.

Когда я выехал на ристалище, меня встретили восторженные крики. Тёмные эльфийки, сидящие на трибунах, не стесняясь, посылали мне воздушные поцелуи.

Я вытянул руки в стороны и обратил лицо к небу, слегка отклонившись в седле назад и подставляя сверкающую метеоритной сталью грудь солнцу. Я наполнил лёгкие свежим воздухом, словно дышу в последний раз.

Мой оппонент был уже больше трёхсот лет как мёртв. Он стоял на другом конце ристалища, опустив забрало. На его щите был изображен единорог, стоящий на дыбах и топтавший волка под копытами. Второй волк был подброшен рогом в верх, а глотку третьего единорог сжимал своими зубами.

Его никто не приветствовал: у него даже имени не было, но его боялись, очень боялись... Многим он являлся во сне, о нём рассказывали страшные сказки, называя Рыцарем Смерти. Мне было искренне жаль этого рыцаря, лишённого имени, жизни и покоя. Он был обречён служить ритуалу Всевышнего Суда вечно, защищая чуждые ему интересы некромансеров.

Он поднял копьё вверх, приветствуя меня. Я ответил тем же жестом.

Леди ректор восседала на специально установленном постаменте, а ступенью ниже, в окружении двух стражей, сидела белая как снег Лореена, ее золотистые волосы окрасились в серо-пепельный цвет с серебряным отливом.

Афрамегона встала. Трибуны погрузились в мёртвую тишину.

— За нарушение кодекса академии, за совершение запретного прелюбодеяния с чужестранцем, Лореена, моя приёмная дочь, исключается из академии. Её ждёт лабиринт — в случае если Лакремонт погибнет. Если она выйдет из подземелья живой, то будет свободна.

Если же Лакремонт одержит победу или останется жив, то он обязан жениться на ней. Но лабиринта им не миновать — такова наша древняя традиция, — сказала она, разведя руками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.